

Р.П. Кулумбегов

УДК 81.373.211.1(479.51)
DOI 10.46698/r0796-2675-2109-r

ТОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ БЫТЕ ОСЕТИН

Р.П. Кулумбегов*

Аннотация. В статье рассматриваются топонимы, в которых отражено занятие осетин земледельческим трудом. В географических названиях представлены знания народа о характере почвы, наборе возделываемых сельскохозяйственных культур и агротехнических приемах, направленных на повышение урожайности нив. Отдельно представлены названия, связанные с трудовыми процессами на земле: пахота, вывоз и складирование урожая, его обмолот и хранение. Наличие значительного количества сельскохозяйственных терминов в топонимии Осетии свидетельствует о развитости земледелия как важного элемента хозяйственного быта народа.

Ключевые слова: топонимия, земледелие, пахота, мельница, орошение.

Этническую историю Осетии раскрывают не только письменные и устные источники, но и топонимы. Названия населенных пунктов, рек, озер, горных хребтов и ущелий порой дает много интересной информации о прошлом народа. Здесь и отражение процесса формирования осетинской идентичности, и сведения о хозяйственной и религиозной жизни народа.

В топонимии Осетии широко представлены термины материальной культуры. В качестве географических названий здесь присутствует апеллятивная лексика, основанная на терминах хозяйственной деятельности и быта народа. Топонимы выражены в понятиях, соотнесенных с поселениями и жилищем, земледелием и скотоводством, ремеслами, одеждой, обувью и домашней утварью.

Перечень топонимов указывает на преобладание в хозяйственной деятельности осетин земледелия и скотоводства. В меньшей степени здесь представлена лексика, связанная с ремесленными занятиями.

Топонимия Осетии стала предметом нескольких фундаментальных обобщающих исследований [14, 15, 16], уделялось внимание географическим терминам и в рамках локальной территориальности [17]. Однако эти работы, с одной стороны, рассматривают топонимы либо севера Осетии, либо исключительно ее южной части, а с другой – не выделяют какую-то одну сторону жизнедеятельности народа. Поэтому в нашей работе мы постараемся рассмотреть отражение земледельческой терминологии в топонимии в рамках единой Осетии.

Земледелец всегда производил тщательный подбор земельного участка. Особенно ценны были земельные наделы в горной полосе Осетии. Здесь при остром дефиците пригодной для обработки земли горцам приходилось добиваться на ограниченных площадях максимально возможного урожая.

В аграрной традиции осетин на протяжении веков был выработан цельный комплекс знаний, позволяющих правильно подобрать земельный надел. Главным критерием в народных представлениях были ценность пашни для земледелия и степень трудовых затрат для ее практического освоения.

Основную ценность конкретного участка пред-

ставлял состав почвы, именно от того, насколько плодородной была почва (*мæр*), зависело то, какой набор сельскохозяйственных культур на ней будет высеян. За многие века осетины-земледельцы создали квалификацию почвенного состава по определенным признакам. Существовало общее различие почв по степени их пригодности для земледелия: *бæзнаг / бонджын зæхх* (плодородные) и *чылыхдон / æнæудсыджыт* (бесплодные). Некоторые почвы по причине своей уникальной плодородности удостоивались особого эпитета – *Хорджынтæ* (урожайные), как, например, черноземная пашня возле с. Ламардон (PCO-A) [16, с. 187].

В основе частного разделения – отличия по механическому составу: *чысбын / хуырбын* (каменистая), *чырбын* (известковая), *хырызбын* (пористая), *æлыгбын / цыфджын* (глинистая). Эти наблюдения отразились и в топонимии региона: *Цыфджын хуым* – глинистая пашня в окрестностях с. Инаур (РЮО).

В понимании земледельца существовали различия в почвах по цветовым признакам: *бурмæр* (бурая), *саумæр* (черная), *сырхсыджыт* (красная), *урссыджыт* (белая), *цъæхсыджыт* (серая).

Почвой лучшего качества считался почвенный состав черного цвета (чернозем) – *саумæр*. На таких пашнях высевали зерновые культуры, представляющие большую ценность – ячмень и пшеницу. Такие почвы, по причине своей природной плодородности, с меньшей периодичностью требовали внесения органических удобрений. Эта квалификация представлена и в географической лексике: *Саумæрт* – пашни с хорошими черноземными почвами у северных окрестностей с. В. Кани (PCO-A).

Земледелец считал почвы бурого и серого цветов наименее пригодными для сельскохозяйственной обработки. Они обычно имели глинистую или каменистую структуру, поэтому в оборот вводились только при крайней необходимости и при регулярном внесении удобрений. Куда охотнее их использовали под пастбища или сенокосы.

Для земледельца немаловажное значение имела и расположенность самого надела. Пахотные участки, расположенные рядом с населенным пунктом, были предпочтительнее. Эта категория зе-

* Кулумбегов Роберт Петрович – к. и. н., старший научный сотрудник отдела истории и этнологии Юго-Осетинского научно-исследовательского института, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия (kulumbegov_2@mail.ru).

мель представлена в названии *Хъæугæроны хуым* (пашня у села) [14, с.110]. К таким наделям легче было подвозить органические удобрения, особенно в зимний период, а после уборки хлебов свозить стога к селению. Такие надельные участки проще обрабатывать и следить за тем, чтобы не было их потравы бесхозным скотом. Близость обрабатываемого земельного участка к дому была особенно важна в горной полосе Осетии, где порой для того, чтобы просто добраться до пашни, требовалось много времени.

Примыкавшие к населенному пункту надельные участки именовались *мидгомзæхх* (внутренние земли). Рядом с селением Кадат (PCO-A) имеется пахотный участок *Хъæуварс* (у селения) [16, с. 229]. Земельные надельные участки, расположенные за пределами поселения, именовались *фæсхъæутæ* (находящиеся за селом). Например, пашня в окрестностях с. Дзивгис (PCO-A) носит название *Фæскаудуар* (позади плетеных дверей) [16, с. 226]. И, наконец, пашни, сильно удаленные от поселения, именовались *кæройнагзæххытæ* (окраинные земли). В котловине, где расположено селение Цон (РЮО), есть земельный участок, называемый *Фæсрагъ* (позади хребта).

Важное значение имел и рельеф земельного участка, это было связано с особенностями технологии пашенной обработки. Обычно землю вспахивали плугом, но если склоны были крутые, то пашню приходилось обрабатывать мотыгами. Это приводило к большим трудовым затратам. Помимо этого, надельные участки на склонах были больше подвержены эрозии, оползням и смыву плодородного покрова во время ливней. Поэтому было предпочтительнее выбирать под посевы злаков ровные участки, а склоны оставлять под сенокос и выпас. Это положение отразилось в названиях *Фæзы хуымтæ* (ровные пашни) [14, с. 60] и *Фæрсты хуымтæ* (пашни на склонах) [16, с.186]. *Зæнджы хуым* (пашня на пригорке) [15, с. 401].

Различались пахотные участки и по своим размерам: *Фæтæнтæ* (широкие), *Стыр хуымтæ* (большие пашни), *Даргъ хуымтæ* (длинные пашни).

Особой категорией пахотных земель в Осетии были ровные пахотные участки *хъугом*. Эта разновидность пахотного участка, известная во всех районах Осетии, считалась наиболее ценной. Обычно это сравнительно большая, относительно ровная площадка с плодородной почвой. Если такой участок даже находился в удалении от поселения и имел обедненный почвенный состав, земледелец не останавливался перед затратами, чтобы ввести его в оборот. Часто внутри такого участка, если он был достаточно обширным, выделялись пашни с наиболее плодородной почвой – *раныхуым*.

Такие земельные надельные участки были во владении отдельных семей. Так, в селении Едыс (РЮО) наиболее плодородные нивы располагались на ровном плато в восточной части села – *Едысы хъугом*. Но самыми плодородными в этом массиве были два надельных участка *раныхуым*, которыми владели две семьи. Эти участки были особо ценны и никогда не становились предметом раздела или платежа. Необходимо отметить, что участки категории *хъугом* чаще других выступали в качестве платы за кровь при

примирении кровников [8, с. 79]. Этой категории пашен придавали большое значение, что отразилось на многочисленном бытовании этого термина в топонимике Осетии в форме *хъугом* // *хъугæмттæ*.

Важным фактором при выборе земельного надельного участка была его экспозиция, особенно в том случае, когда пашни устраивались на горных склонах, на которые неравномерно падал солнечный свет. Это понимание привело к делению у земледельцев пахотных земель на две категории. В первую категорию входили пашни с южной экспозицией – *хурварс* / *хуссайраг* (солнечные / южные), во вторую – пахотные участки с ориентацией на север – *цæгаттæ* (северные).

Такое разделение имеет свою рациональную основу. На южных склонах степень активизации солнечной энергии высока, что обычно положительно действует на структуру почвы, способствует усвоению перегноя, злаки здесь поспевают в срок, и создается возможность полностью собрать урожай [12, с. 56]. В условиях сурового горного климата, отличающегося частыми заморозками и ранним снегом, эта особенность имела порой решающее значение. Благодаря тому, что снежный покров под воздействием солнечных лучей на таких склонах сходил раньше, земледельцы могли приступать здесь к работам на ранних сроках. Соответственно, зерновые вызревали до того, как могли начаться заморозки.

Благодаря своим наблюдениям, земледелец стал замечать, что на склонах с северной экспозицией злаки поспевают позднее. Часто они не успевали вызревать до начала ранних в горах заморозков, урожай пшеницы и ячменя с таких нив был скуднее. Поэтому на таких землях высевали неприхотливые сорта зерновых (рожь, овес), чаще оставляли под пар и залежь [7, с. 99].

На пашнях с южной экспозицией по причине благоприятных условий земледелец высевал наиболее ценные сорта зерновых культур. Во всем этом и заключается рациональное применение солнечной энергии в хозяйстве, что является признаком высокопродуктивной культуры полеводства [5, с. 52].

В топонимии Осетии разделение пашен по их расположению относительно север-юг мы находим в названиях *Хуссæртæ* (южные склоны) в районе с. Бадзыгат (РЮО) и с. Кадат (PCO-A), *Хонсар хунтæ* (пашни на солнечной стороне) у с. Стур-Дигора (PCO-A), *Хъарм хуссар* (теплый южный склон) у с. Уисто (РЮО) и в с. В. Мизур (PCO-A). Соответственно, *Цæгаты хуым* (пашня на северном склоне) у с. Мармазет (РЮО) и *Цæгат* (север) у с. Таборза (PCO-A).

Традиция предпочтения участков с южным расположением находит свое отражение в устном народном творчестве. Свидетельство этому мы видим в сказании «Чем небожители одарили Сослана». В нем повествуется о том, как покровитель земледелия Уацилла дарит нартам семена хлебных злаков с добрым напутствием:

*Ратдзынæн æз ацы хоры нæмгуытæй нартæн.
Уалдзæджы, куыддæр зæхх ыстæфса,
Афтæ-у сæ хуссарварс байтауæнт.
Æмæ сæ афæдзæй-афæдзмæ хæрынæн
цы хъæуы,*

Уый сын дзы рзайдзæни хор.

(Нартам дарю я эти зерна ячменя / Весной, как

растает снег на полях, / Должны высеять их на южной стороне. / На целый год, чтобы прокормиться, / Столько здесь вырастет зерна) [13, с. 348].

Для расширения фонда пахотных земель использовался наиболее простой метод – обработка свободных целинных площадей. В лексике края эта практика отражена в топонимах *Нæусæсты хуымтæ* – «пашни поднятой целины» у с. Урсдзар (РЮО) и *Нæусæстытæ* (РСО-А) – «вспаханные целины» в окрестностях с. Тменыкау. Но с учетом того, что земледelec старался вводить в оборот максимально большое количество свободных участков, целинных земель было немного. Резерв пахотных участков мог формироваться только за счет сенокосов и пастбищ.

В наборе агротехнических приемов земледельцев Осетии были подсека и перелог, также являющиеся признаками развитого полеводства [5, с. 96].

В многочисленных устных преданиях, относящихся к основанию населенных пунктов региона, мы прослеживаем связь с практикой подсечного земледелия. Обычно указывается, что первопродок находит лесной участок, расчищает и обрабатывает его. А рядом основывается родовое поселение.

Создание подсечных участков (*æрдуз*) осуществлялось усилиями отдельных семей, без участия сельского общества. Такой участок считался частной собственностью и у осетин не перераспределялся, в отличие от некоторых народов Центрального Кавказа. У хевсуров в Грузии и чеченцев в горной Чечне земельные наделы, полученные в результате подсеки и использовавшиеся ими под посевы, переходят через определенное время из частного наследственного владения в общественное, причем срок владения этими участками определялся решением сельского общества [3, с. 63; 4, с. 56].

В Осетии земельный надел, полученный в результате вырубки леса и кустарника, – ног хуым – являлся преимущественно собственностью его создателей и должен был передаваться без раздела по прямому наследству. Такой участок назывался по имени главы семьи, патронимии или фамилии – *Сардийы æрдуз* (поляна Сарди), *Батийы æрдыт* (выкорчеванное Бати, от мужского имени Бати) [15, с. 59], *Дзуаты æрдуз* (Дзюовых поляна, от фамильного имени Дзюовых) [16, с. 168].

Большая часть пахотной земли в Осетии находилась в частной собственности, на это указывают и данные топонимии. Это владения отдельных семей или фамильных патронимий: Бибойы хуым – «Пашня Бибо» – пашня у с. Ионча (РЮО), *Æлборт хуымтæ* – от фамильного имени *Æлбортæ* – с. Цнелис (РЮО), *Дзугаты хуымтæ* – с. Джер (РЮО).

Вместе с тем в лексике сохраняется отражение порядка перераспределения земель в рамках сельской общины. *Æхсæйнаг хуым* (общинная пашня) у с. Джимара (РСО-А), *Æхсæны хуым* – пахотный надел возле с. Дзивгис (РСО-А).

В названиях пахотных участков четко прослеживается владение ими по мужской линии. Но есть и исключения. В селении *Фæзы Брытæт* (РЮО) в названии земельного надела указывается на его принадлежность женщине – *Хъорионы хъугом* (пашня Короевой) [14, с. 110]. И судя по тому, что Короевы являются уроженцами соседнего селения Ерман, это могла быть только невестка.

В топонимике Осетии мы находим отражение существования такого важного агротехнического приема, как оставление земли под паром – *зæрæстонуагъд*. Эта система земледелия предполагает наличие значительных земельных фондов, так как земледельцу приходится часть земли оставлять без обработки. В этом случае длительное нахождение участков под паром и их выход из оборота компенсируется другими участками, преимущественно взятыми в аренду.

Применять это средство повышения урожайности почв земледельцу приходилось регулярно, и это несмотря на то, что компенсирующих участков на время оставления пашен под паром было очень мало. По причине незначительного почвенного покрова земельных наделов при обычной интенсивной обработке быстро нарушалась их почвенная структура. И использование парования было обязательным условием сохранения пашен. Неудивительно поэтому, что земледельцу приходилось сознательно идти на временное уменьшение числа своих пахотных участков и вытекающего отсюда снижения урожая, чтобы сохранить земельный фонд. Этим же диктовалось сохранение паровой системы земледелия в других горных регионах Кавказа [9, с. 75].

Оставлялись под пар в первую очередь наделы, располагавшиеся вдали от населенных пунктов, на склонах горных ущелий – те земельные участки, на которые было сложно и зачастую невозможно доставить удобрения или орошать.

На широкое распространение в рассматриваемом регионе паровой системы земледелия указывает ряд этнографических письменных источников. Г. Вертепов, говоря о традиции парования пахотных участков осетинами, отмечал: «За невозможностью удобрять и хорошо обрабатывать участки, расположенные на крутизнах, они часто остаются без удобрения и в таком случае засеваются через год, реже – через два года» [2, с. 35]. В исследовании С.В. Мачабели, в частности, отмечается, что «...в осетинских селениях северной нагорной полосы, где почвенный слой неглубок, земля пашется раз в три или четыре года, а в остальное время находится под зеленым паром» [10, с. 210].

Паровое поле (*зæрæстон*) выводилось из оборота на срок от одного до трех лет. Но даже тогда оно не лишалось своего хозяйственного значения. Его владелец использовал его как сенокос или для выпаса скота. Необходимо отметить, что сено с парового поля (*зæрæстоны хос*) считалось лучшего качества, чем обычное сено (*нæууы хос*). Земледelec специально обозначал такую пашню-сенокос. В начале апреля в центре поля, находящегося под паром, ставился очищенный от коры шест. Такой шест (*быдыргъ*) служил указателем для пастухов, чтобы те не допускали потравы.

Эффективным средством повышения урожайности нив было орошение – *донхæр* / *донхæрæг*. Для организации процесса полива было необходимо подводить трассу (*донвæндаг*) водовода к источнику воды. Из-за пересеченной местности народные ирригаторы использовали для доставки воды к пашням деревянные желоба (*нуктæ*). Вся трасса оросительного канала могла растянуться на несколько сот метров и состоять из канав, вырытых в земле, а также деревянных желобов, с помощью которых

осуществлялся переход через расщелины и овраги.

В топонимии мы находим указание на существование традиции орошения в Осетии: *Донвæндаг* (водная дорога) и *Лыстæг нуктæ* (узкие желоба) в с. Ходз, *Нукты хуым* (пашни желобов) в окрестностях с. Згубир, *Стыр нук* (большой желоб) в местности Майли и др.

Участки владельцев земельных угодий отделялись друг от друга межей, и этот термин (вернее, термины) мы находим в топонимах *Арæны адаг* (пограничный овраг), *Арæнты бынтæ* (ниже границ межи), *Мæрзауæдз* (пограничная межа), *Уæллаг ауæдз* (верхняя борозда), *Æдтаг ауæдзтæ* (дальние борозды), *Ауæдзы сæр* (выше борозды), *Ауæдзы бын* (ниже борозды) и т. д.

Одним из важных этапов земледельческого труда был вывоз урожая и его складирование. Скирды с сжатым хлебом складывали на специальных огороженных площадках – *æфтауцуат / æфтауцдон*. Такие площадки располагались вблизи села или же непосредственно в самом населенном пункте. Термин *æфтауц* представлен в географических названиях Осетии в топонимах *Æфтауцтити бун* (Ниже мест *афтауц*), *Дæллаг* (и *Уæллаг*) *æфтауцуат* (нижнее (и верхнее) место для *афтауц*), *Æфтауцдон* (место *афтауц*).

Обмолачивали сжатые хлеба на выровненных и утрамбованных площадках (чаще всего это были открытые площадки), называемых *мус / мос* (гумно). Эти термины мы имеем в топонимах *Мусты ком* (ущелье гумна), *Мусгæнæн* (место, где строили гумно), *Фæсмус* (позади гумна), *Мосау* (похожий на гумно) и др.

Молотили хлеб большей частью с помощью животных (их водили по разбросанным на гумне снопам, чтобы те вытаптывали из колосьев зерно) и в меньшей – с помощью молотильной доски *чъеури*. В географических названиях: *Галмусы хуымтæ* (бычьих гумна пашни, гумно, где молотили с помощью быков), *Чъеуритаг* (молотильные доски) и т. д.

Отражены в топонимии и термины, связанные с местом и предметами для хранения и измерения количества зерна. Например: *Мæрт* (мæрт – мера, предмет для измерения сыпучих тел), *Къод* (къод – предмет для измерения сыпучих тел), *Кæфой* (совок из березовых прутьев), *Кæссаласæн* (место, где тащили кожаные мешки с зерном), *Къутуйау* (похожий на *къуту* – сапетку для хранения зерна), *Къæбиц* (кладовая), *Кæрийау* (подобный куче зерна), *Уæрмитæ* (зерновые ямы) и т. д.

Отдельные топонимы отражают названия сельскохозяйственных культур, которыми засеивались те или иные участки. Это, например, географические названия *Еууыты ком* (проса ущелье), *Еууы хæтæлтæ* (стебли проса), *Æддаг еууытæ* (дальние участки проса), *Хорджынтæ* (обильные ячменем), *Мæнæуты æрдз* (пшеничная поляна), *Нæртхæртты тæлпæн* (плоскость, засеиваемая кукурузой).

В системе материальных и духовных ценностей горцев Осетии, как и у большинства земледельческих народов, мельницы занимают обособленное место. Являясь материальным объектом, традиционным элементом культурного ландшафта, мельницы одновременно формируют вокруг себя большой тематический пласт фольклорной прозы:

поверий, легенд, устных рассказов [1, с. 7]. В горной местности Осетии водяная мельница носила название *къада куырой* (от осетин. *къада* – водный поток, ручей). Стандартная горская мельница состояла из двух ярусов. На первом ярусе стояло водяное колесо, на втором находился сам мельничный постав. Иногда имелся третий ярус, обычно это был чердак деревянной двускатной крыши, где хранился инвентарь.

В географических названиях Осетии мы встречаем этот термин в топониме *Къадат* (то место, где мельницы на горном потоке) неподалеку от с. Цымыты и *Къадатæ* (речные мельницы) у с. Ход [16, с. 236].

Практика использования мельниц, работающих на силе воды, у осетин, как и у народов Центрального Кавказа, уходит корнями в глубокую древность [4, с. 169]. Появление водяной мельницы описано в сказаниях о нартах и связано с божественным даром. В повествовании «Чем небожителю одарили Сослана» рассказывается о пире, который устроил покровитель домашнего очага Сафа для своего воспитанника. Каждый из гостей-небожителей преподнес, согласно обычаю, подарок маленькому нарту Сослану. Сделал свой дар и повелитель водных стихий Донбеттыр, предоставив возможность устройства на его водах мельниц [11, с. 78].

В топонимии Осетии термины, связанные с мельницей, довольно распространены: *Куыройгом* (ущелье мельниц), *Куырæйттæ* (мельницы), *Донгуырой* (мельничная речка) и др.

В географических терминах мы находим и отражение аграрных верований. Небожителю Уацилла и Мыкалгабыр в народной традиции считаются покровителями земледелия. Это понимание проявилось в многочисленной привязке их имен к географическим названиям: *Уацилла* (святилище) в с. Тылы, *Уациллайы зæнг* (ребень горы Уацилла) у с. Едыс, *Уациллайы къуылдым* (пригорок Уацилла) у с. Уисто и *Мыкалгабыр*, святилище в честь этого божества в с. Ход. Отдельно отметим святилище у с. Даикау, где молились о ниспослании хорошей погоды и защите от града – *Æврегътæ* (облака, тучи).

В Осетии существовала особая категория пашен, урожай с которых шел на приготовление угощения на религиозные праздники. Это были пахотные участки, обычно примыкавшие к святилищу, либо наиболее урожайные земли. Зерно, собранное с таких нив, шло на выпечку пирогов и приготовление пива, с которыми приходили в святилище. *Нафы хуымтæ* – пашни, примыкающие к святилищу Наф, *Рекомы хуымтæ* – пашня у святилища Реком.

Была и общественная пашня, урожай с которой полностью шел в фонд религиозного праздника – *Æхсæны хуым* (общая пашня), пахотный участок возле с. Дзивгис. Урожай с этого участка целиком шел на общественный пир для жителей этого населенного пункта [16, с. 210].

По народным поверьям ритуальная пища должна была отличаться особой чистотой. Особенно это касается пирогов, являющихся важной частью подношений в святилищах. Зерно, перед тем как его использовали для помола и выпечки, тщательно промывали в проточной воде. При этом вода долж-

на была быть из источника, который отличается не только чистотой своих вод, но и приятным вкусом. Это представление отражено в названиях *Чъирий-аг æхсæн суадон* (родник, где промывали зерно для жертвенных пирогов), родник возле с. Кани. Здесь обычно мыли пшеницу, мука из которой предназначалась для изготовления жертвенных пирогов в честь святилища Ног дзуар. Праздник этот отмечался во второй половине августа. Здесь же –

Чъирийаг æхсæн (место, где промывают зерно для пирогов) – с. Ламардон [14, с. 166].

Таким образом, мы видим, что многие осетинские топонимы представляют собой апеллятивы, восходящие к различным сельскохозяйственным терминам. Здесь нашла отражение лексика землепользования, термины, связанные со сбором и хранением урожая, названия сельскохозяйственных культур, агротехнические приемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведерникова Н.М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. Филология. – М., 2014. С. 6–22.
2. Вертепов Г.А. Осетины. Историко-статистический очерк // Терский сборник, Вып. 2, кн. 2, 1892, № 81.
3. Джалабадзе Г.В. Полеводческая культура Восточной Грузии. – Тб.: Мецниереба, 1986. (на груз.яз). 309 с.
4. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1981. 247 с.
5. Кантария М.В. Некоторые вопросы земледельческого быта горной Осетии / Кавказский этнографический сборник. – Тб.: Мецниереба, 1980. Вып. 5. С. 92–174.
6. Кантария М.В. Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // Кавказский этнографический сборник, 1986. Вып. 6. С. 45–51.
7. Кулумбегов Р.П. Земледельческий быт и сакральные практики горцев Осетии. – Цхинвал: Республика, 2017. 236 с.
8. Кулумбегов Р.П. Традиционная культура земледелия у осетин. – Владикавказ: СОИГСИ, ВНЦ РАН, 2019. 203 с.
9. Лавров Л.И. Карачаевцы. – Черкесск, 1978. 179 с.
10. Мачабели С.В. Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда, Тифлисской губернии // Материалы для изучения экономического быта крестьян Закавказского края. – Тифлис, 1887. Т. 6.
11. Осетинские нартовские сказания. – Дзауджикау, 1949. 503 с.
12. Почвозащитное земледелие на склонах. / А.Н. Каштанов, Г.И. Швбе, А. Д. Орлов и др. // под ред. А.Н. Каштанова. – М.: Колос, 1983. 390 с.
13. Сказания о нартах, в 5 томах / составитель К. Гутиев – Орджоникидзе: Ир, 1989, Т. 1. (на осет. языке). 496 с.
14. Топонимия Южной Осетии / составители З.Д. Цховребова, Ю.А. Дзицойты. – М.: Наука, 2013. Т. 1. 598 с.
15. Топонимия Южной Осетии / составители З.Д. Цховребова, Ю.А. Дзицойты. – М.: Наука, 2015. Т. 2. 740 с.
16. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. – Владикавказ: Ир, 2010. 620 с.
17. Чибиров Л.А. Материалы по топонимике и гидронимике верховьев реки Большая Лиакхва // Ученые записки ЮОГ-ПИ, 1968. Т. 12. С. 200–227.
18. Читая Г.С. Горное земледелие на Кавказе // Материалы по этнографии Грузии. – Тбилиси, 1960. Вып. 11.

TOPONYMY AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE AGRICULTURAL LIFE OF OSSETIANS

R.P. Kulumbegov

PhD, senior scientist researcher of historical and ethnological division of South Ossetian research institute (kulumbegov_2@mail.ru)

Abstract. The article considers toponyms that reflect the employment of Ossetians in agriculture labor. The geographical names represent the knowledge of the people about the nature of soils, the set of cultivated crops and agricultural techniques aimed at increasing the yield of fields. Names related to labor processes on land are presented separately: plowing, export and storage of harvest, its threshing and storage. The presence of a significant number of agricultural terms in the toponymy of Ossetia indicates the development of agriculture as an important element of the economic life of the people.

Keywords: toponymy, agriculture, plowing, mill, irrigation.

REFERENCES

1. Venediktova N.M. Mills and miller in Russian mythology // Scientific dialog. Philology. – Moscow, 2014. P. 6–22.
2. Vertepov G.A. Historical and statistical article // Terskiy sbornik, issue 2, Vol. 2, 1892, №81.
3. Dzabladze G.V. Field culture of Eastern Georgia's – Tbilisi: Metsniereba, 1986 (Georgian Ing.), P. 309.
4. Kaloev B.A. Agricultural of the people of North Caucasus – Moscow: Science, 1981. P. 247.
5. Kantariya M.V. Questions about agricultural practices of mountain Ossetia // Caucasian Ethnographic Collection – Tbilisi: Metsniereba, 1980, issue 5. P. 92–174.
6. Kantariya M.V. Agri-cultural Methods of Fields in Chechnya-Ingushetia // Caucasian Ethnographic Collection, 1986, Vol. 6. P. 45–51.
7. Kulumbegov R.P. Agricultural life and sacral practices of the highlanders of Ossetia. – Tskhinvali: Republic, 2017. P. 236.
8. Kulumbegov R.P. Traditional culture of agriculture of Ossetians. – Vladikavkaz: SOIGSI, VSC RAS, 2019. P. 203.
9. Lavrov L.I. Karachaevtsy. – Cherkessk, 1978. P. 179.
10. Machabeli S.V. Economic life of the state peasants of Gori district, Tiflis province // Materials for studying the economic life of the peasants of Transcaucasian region. – Tiflis, 1887. Vol. 6.
11. Ossetian Nart epos. – Dzaudzhikau, 1949. P. 503.
12. Soil protection farming on slopes. // A. N. Kashtanov, G. I. Shvebe, A. D. Orlov and others // edited by A. N. Kashtanov. – Moscow: Kolos, 1983. P. 390.
13. Nart epos in 5 volumes // K. Gutiev. – Ordzhonikidze: IR, 1989, Vol. 1 (in Ossetian). P. 496.
14. Toponyms of South Ossetia // composers Z.D. Tskhovrebov, Yu.A. Dzizoiy. – Moscow: Science, 2013. Vol. 1. P. 598.
15. Toponyms of South Ossetia // composers Z.D. Tskhovrebov, Yu.A. Dzizoiy. – Moscow: Science, 2015. Vol. 2. P. 740.
16. Tsagaeva A.D. Toponymy of North Ossetia. – Vladikavkaz: Ir, 2010. P. 620.
17. Chibirov L.A. Materials on toponymy and hydroonymy of the headwaters of the Bolshaya Liakhva River (in Russian) // Scientists' notes of SOSPI, 1968. Vol. 12. P. 200–227.
18. Reading G.S. Mining Farming in the Caucasus // Materials on Ethnography of Georgia. – Tbilisi, 1960. issue 11.